

ШЕКСПИРОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Трехдневная конференция, прошедшая в Клубе мастеров искусств, значительная дата в истории нашей борьбы за разрешение сложной и волнующей проблемы Шекспира.

Это было одно из первых широких мероприятий, пытавшихся подытожить тот материал, который накоплен уже наукой о Шекспире, и на этой основе поставить ряд вопросов, имеющих существенное значение для судеб нашего театра, нашей драматургии, литературы в целом.

Основным докладчиком на конференции выступил т. С. Динамов, вскрывший философию творчества великого драматурга, ту социальную и политическую обстановку елизаветинской эпохи, которая предопределила его появление.

Базируясь на высказываниях Маркса и Энгельса, т. Динамов развенчивает теорию о гении мировой драматургии, как о художнике феодальном (теория, которую защищал Фриче и одно время Луначарский), доказывает несостоятельность теории А. Смирнова о Шекспире, как художнике буржуазном. В действительности, утверждает т. Динамов, это был художник нового дворянства, которое появилось в Англии после войны Белой и Черной роз и интересы которого в этот период совпадали с интересами буржуазии.

Анализируя творчество Шекспира, т. Динамов ставит проблему народа в трагедиях Шекспира — проблему почти неосвещенную в нашей литературе и ждущую своего специального исследователя. Точно так же ждет своего исследователя и проблема влияния античной культуры на Шекспира, влияния, которое помогло ему стать одним из величайших реалистов всех веков. Постановка этой проблемы у нас сейчас больше чем своевременна: она облегчила бы нам борьбу с натурализмом, развивающим в последнее время весьма активное наступление на всех фронтах советского искусства.

Много внимания уделила конференция проблеме перевода Шекспира. Никто из выступавших не возражал против основного тезиса доклада тов. Смирнова о том, что русский читатель не знает подлинного Шекспира, что Кронеберг, Вейнберг, Соколовский, Дружинин и др. искажали образы Шекспира, подменяя шекспировскую страстность риторическим пафосом, приглушая и выхолащивая неповторимый язык шекспировских трагедий.

Но как следует переводить Шекспира? Нужно ли разрешать проблему точности перевода педантично, геллертерски, т. е. стремиться к тому, чтобы не был упущен ни один знак препинания в оригинале, чтобы сохранены были все архаизмы текста, чтобы количество строк в переводе абсолютно совпадало с количеством строк переводимого произведения и т. д. и т. п.?

— Нет, — решительно возражает А. Радлов, имя которой упоминается на конференции, как имя одного из блестящих переводчиков Шекспира, сумевшего в максимальной степени приблизить английского драматурга к советскому читателю. — переводчик не хранитель мертвых музейных ценностей, а рупор, через который геници прошлых веков говорят с живыми людьми нашей страны и нашей эпохи.

Эта программа не вызывает, конечно, возражений. Споры разгорелись лишь вокруг положения т. Радловой о том, что свойства шекспировской драмы целиком раскрываются только в спеническом воплощении, в отличие от французской классической трагедии и так называемой *Lesedra*ма. Некоторые из выступавших и, в первую очередь, т. Мирский высказывают опасения, что подобная позиция может привести к известному «успешению» Шекспира, к известной «телеграфизации» его языка. Нужно поэтому ставить себе одну задачу: переводить Шекспира, каков он есть, а уж режиссер пусть сам разбирается как ставить.

Этой проблеме — Шекспир на советской сцене — и были посвящены доклады режиссера С. Радлова и О. Литовского. Оба они выступают против «шекспериментов», как остроумно выразился С. Кржижановский.

На примере постановок — «Гамлет» в театре им. Вахтангова, «Египетские ночи» в Камерном театре и др. — они показывают, к каким неудачам приводят эти «шексперименты», идущие от головного, рассудочного отношения режиссера к своим задачам, от погоня за сенсационным трюком, от желаний во что бы то ни стало блеснуть оригинальностью. Одним из проявлений этого «забвательства», указывает т. Радлов, является также и своеобразное разрешение некоторыми режиссерами проблемы амплуа: они поручают роли актерам, данные которых абсолютно противоречат характеру этих ролей и указаниям автора. Отсюда и Гамлет — Горюнов, Ромео — Астангов, Парис — Музалевский и т. д.

Эту «игру» пора оставить — вот вывод, к которому приходят докладчики. Режиссер не должен стоять между Шекспиром и советским зрителем. Он обязан углубиться в изучение эпохи Шекспира, объяснить себе самому связь художника с этой эпохой и лишь тогда приступить к постановке.

Следует особо выделить высокое качество выступлений т. А. Гвоздева и превосходный доклад И. Соллертинского. А. Гвоздев рассказал о сценической судьбе Шекспира за 300 лет, а т. Соллертинский — о музыке в театре эпохи Шекспира и шекспировских мотивах в творчестве величайших композиторов. Оба докладчика использовали огромной ценности материал, известный зачастую лишь чрезвычайно ограниченному кругу шекспироведов. Теперь этот материал, благодаря умному и авторитетному общению, а также ясному и стройному изложению его, станет достоянием более широких кругов нашей творческой общественности.

Увы, нельзя того же сказать о докладе С. Кржижановского — «Сюжет и стиль шекспировской комедии». Здесь господствовали туманы абстракции, и в результате суть доклада ускользнула от аудитории.

С докладом на тему «Шекспир в современной Германии» выступил т. Рейх. В прениях приняли участие тт. Дживилегов, Рокотов, Левидов, Брейтбурд, Пельше и др.

Шекспировская конференция несомненно даст нужный толчок развитию шекспировской мысли. Однако надо прямо сказать, что организаторы конференции далеко не оказались на высоте своей задачи. Секция драматургов СССР, как указано было в афише, созывала конференцию совместно с Наркомпросом. Однако почти ни одного драматурга мы не видели на конференции. Может быть так называемые «ведущие» драматургии считают, что они уже «освоили» Шекспира, но драматургической молодежи вряд ли следовало итти по стопам «ведущих».

На конференции было очень мало критиков, литературоведов, исследователей. В ничтожном числе присутствовали крупные режиссеры и актеры. Все дело в том, что они узнали о конференции из афиш. Надо полагать, что следовало за месяц, если не раньше, разослать этим товарищам подробные тезисы, дать возможность подготовиться, продумать — ведь это все-таки Шекспир, конференция, а не диспут об очередном спектакле. «Тезисы» раздавались за полчаса до доклада. Причем трудно назвать эти оглавления тезисами: «Композиция шекспировских драм», «Проблема освоения» и т. д. Тезис — это точка зрения, формулировка, постановка вопроса. Этого не было. Неудивительно, что прения заняли одно только вечернее заседание. Маловато. Будем надеяться, что в следующий раз такого рода высокозначимые мероприятия будут проведены более серьезно, культурно и ответственно.